

А. П. Назаретян¹СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ
И ПЕРСПЕКТИВА ПЛАНЕТАРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ²

Сравнительно-исторические и кросскультурные исследования, дополненные специальными расчетами *коэффициента кровопролитности* (отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения), показывают, что широко распространенное мнение о возросшем в современном мире насилии неверно. В действительности уровень политического и бытового насилия сегодня значительно ниже, чем когда-либо прежде в истории человечества. Наша общая озабоченность текущей ситуацией не должна заслонять факт исторической динамики: *никогда прежде средний «маленький» человек не был в такой мере защищен от политических и бытовых форм насилия, а также биологической агрессии (болезнетворные микроорганизмы, дикие животные и т. д.) и голода, как теперь*. По данным ВОЗ, в начале XXI века среднегодовое количество самоубийств в мире превышает число убийств; такая ситуация исторически беспрецедентна.

Иллюзия растущего насилия обусловлена психологическим эффектом *ретроспективной аберрации*: с объективным улучшением обстановки в лю-

бой сфере социального бытия (экономическое благосостояние, социальная мобильность, политические свободы и т. д.) происходит опережающий рост ожиданий, сквозь призму которых динамика процессов воспринимается обыденным сознанием «с точностью до наоборот». Отсюда рост неудовлетворенности текущим положением дел.

Сокращение общего уровня насилия в современном обществе сопровождается небывалым *снижением порога чувствительности к насилию* (равно как к боли, смерти, грязи, дурным запахам и т. д.): каждое событие, содержащее насильственный компонент, вызывает гораздо более острое и массовое переживание, чем в любую прежнюю эпоху, и становится предметом пристрастного обсуждения. Параллельно происходит *возгонка семантических рядов*: слово «насилие» распространяется на очень многие действия, которые прежде не мыслились как таковые.

Но дело не только в психологических и психолингвистических эффектах. Пропорционально мощи технологий кардинально возросла *цена насилия*: локальные события как никогда чреваты далеко идущими последствиями, включая опасность глобальной катастрофы.

В этом обстоятельстве проявляется общеисторическая зависимость — *закон техно-гуманитарного баланса*: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства ограничения агрессии необходимы для сохранения общества. Когда технологическая мощь не уравновешена соразмерными регуляторами, снижается внутренняя устойчивость социальной системы, то есть

¹ Главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных изданий: «Агрессивная толпа, массовая паника, слухи», «Психология стихийного массового поведения», «Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории», «Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии» и др.

² Исследование проводится по гранту РФФИ.

она становится более чувствительной к колебаниям массовых настроений, ошибкам харизматического лидера и т. д.

Согласно новейшим открытиям на протяжении всей человеческой истории системная зависимость между силой, мудростью и жизнеспособностью служила механизмом *отбора* (соответственно *отбраковки*) социумов, культурных ценностей и норм по критерию их соответствия растущему технологическому могуществу. Благодаря этому механизму в долгосрочной ретроспективе с ростом убойной силы оружия и плотности населения *коэффициент кровопролитности общества не только не увеличивался, но и нелинейно сокращался*. Мы с удивлением обнаруживаем, что даже XX век с мировыми и гражданскими войнами, концлагерями, ужасами геноцида и Хиросимой уступает по этому показателю любому прежнему веку.

Новая технология (не только военная) всегда представляет угрозу для существования общества, но просто отказ от нее — путь в тупик. Технология реально опасна лишь до тех пор, пока общество культурно и психологически не «переварит», не «приручит» ее и не выработает внутреннее «противоядие». Только такое «прогрессивное» решение проблем стратегически перспективно. Например, большую угрозу для передовых цивилизаций своего времени представляло стальное оружие, еще раньше — бронза, лук со стрелами и т. д. После того как культура адаптировалась к технологии, опасность резко снижается. *Опасность — это величина, выражающаяся отношением объективной угрозы к готовности субъекта ей противостоять*.

В целом человечество, пройдя через горнило локальных, региональных и в ряде случаев глобальных катастроф, смогло выработать достаточно эффективные средства контроля над естественными импульсами агрессии, чтобы дожить до наших дней. Но в прежние эпохи самоустранившиеся очаги цивилизации вытеснялись новыми, которым удавалось продолжить историческую эволюцию. Теперь же ситуация существенно изменилась. За сто лет — с середины XIX до середины XX века — убойная мощь оружия возросла в энергетическом выражении на 6 порядков (в миллион раз!), что поставило планетарную цивилизацию на грань выживания. Впервые в истории сложилась ситуация, когда *для необратимой планетарной катастрофы достаточно сбоя в сознании небольшого числа активных персонажей* (имеющих доступ к «кнопкам»).

То, что с 1945 года удалось воздержаться от прямого применения самых разрушительных видов оружия, — грандиозное достижение человечества. Однако оно было оплачено канализацией глобальных противоречий в русло локальных вооруженных конфликтов. В общей сложности *в этих конфликтах погибло до 50 млн человек*; тем не менее при ожидавшейся гибели сотен миллионов и миллиардов противостояние блоков во второй половине века называют холодной войной. За это же время удалось достигнуть беспрецедентных по масштабу и эффективности международных соглашений — о прекращении ядерных испытаний в трех средах и других глобальных мерах. Согласно ретропрогнозу, проведенно-

му несколько лет назад, *если бы деятельность человечества оставалась такой же экологически грязной, какой она была в 1950–1960-х годах, к 1990-м годам жизнь на планете стала бы невыносимой*.

«Классическое» ядерное оружие, полвека назад поставившее человечество на грань выживания, сегодня *не представляет глобальной опасности*, поскольку человечество уже сумело психологически «переварить» его, превратив в *инструмент сдерживания*. Появление этого оружия в США и СССР помогло предотвратить наихудшие сценарии третьей мировой войны. В Китае оно исключило возобновление гражданской войны, а притязания материкового Китая на Тайвань умерил «ядерный зонтик», раскинутый над последним американцами. Создание атомных бомб Пакистаном и Индией сразу прекратило вооруженные столкновения в спорном Кашмире, возобновлявшиеся прежде ежегодно. И если бы в 1999 году в Югославии имелась атомная бомба, агрессия НАТО была бы исключена...

Риторика «борьбы за ядерное разоружение» не должна отвлекать внимание общественных организаций, которые только зря тратят силы, помогая правительствам сохранить монополию на оружие. Появление атомной бомбы в каждой новой стране создает *зоны, где затруднительно «устанавливать демократию» или «оказывать братскую помощь» силой извне*; это обстоятельство рождает невротическое беспокойство у правителей сверхдержав. Чего категорически нельзя делать — передавать (продавать) новейшие технологии третьим странам: модель техногуманитарного баланса и богатый международный опыт прошедшего века показывают, что это чревато серьезными локальными катастрофами.

Практика военной локализации глобальных противоречий в XX веке уберегла человечество от планетарной катастрофы, однако *ее продолжение в XXI веке самоубийственно*. На повестке дня — качественно новые технологии взаимного уничтожения (ядерные мини-заряды, нанотехнологии, генная инженерия, робототехника и т. д.), все более дешевые и доступные. Вместе с тем повсеместный рост образования параллельно с усилением национальных фрустраций и политического терроризма делает сохраняющуюся инерцию силовых конфликтов все более угрожающей. По выражению американского ученого Б. Джоя, век оружия массового поражения сменяется веком *знаний массового поражения*. Политический терроризм, оснащенный все более изощренными технологиями «двойного назначения», становится таким же жестоким *средством воспитания* человечества, каким в XX веке послужила атомная бомба, а еще раньше (с удалением вглубь истории) — порох, сталь, бронза, лук со стрелами и т. д. При худшем сценарии он грозит стать могильщиком планетарной цивилизации, но при оптимальном сценарии послужит шоковым средством отрезвления.

Впервые в истории человечество столкнулось с жизненной необходимостью не просто ограничить или *упорядочить* физическое насилие (для чего тысячелетиями служили религия и прочие макрогрупповые культуры, делящие людей на «своих» и «чужих»), но *устранить* его, а точнее — окончательно вытес-

нить в виртуальную реальность. Несмотря на грандиозные успехи в развитии ненасильственных манипуляций, выработанные ранее средства культурного контроля недостаточны, а часто контрпродуктивны. К числу наиболее угрожающих тенденций относятся «религиозный ренессанс» и прочие формы реанимированного фундаментализма.

Согласно специальным расчетам, в ближайшие десятилетия планетарной цивилизации предстоит грандиозный «фазовый переход», который может выражаться либо необратимо обвальными процессами, либо выходом на космические рубежи развития. Опираясь на ряд концептуальных оснований, мы полагаем, что закон техно-гуманитарного баланса является общезначимым механизмом исторического отбора не только на Земле, но и везде, где эволюционирует интеллектуальный субъект. Из теории систем следует, что во Вселенной должны реализоваться *все* потенциально допустимые сценарии развития, и в таком случае мы, возможно, являемся невольными участниками *универсального естественного отбора*.

Похоже, консервативный механизм Вселенной складывается таким образом, чтобы декомпенсированная агрессия не могла вырваться за пределы планетарного локуса и превратиться в фактор универсальной деструкции. *Планетарная цивилизация способна превратиться в космический фактор в том случае, если она обретет мудрость, соразмерную космически значимым технологиям.*

Планетарные цивилизации, не справившиеся с ускоряющимся технологическим прогрессом, тем или иным образом *гибнут под обломками собственного могущества*, устранившись из эволюционного процесса. Только те, которые смогут пройти чистилище

форсированных глобальных кризисов, выйдут на космически значимые рубежи прогресса. Поскольку же в этой полифуркационной фазе число обвальных сценариев заведомо превышает число сценариев выживания, логично предположить, что кардинальное решение глобальной задачи дается немногим. Не исключено даже, что по-настоящему космической суждено стать только одной планетарной цивилизации.

Коль скоро, согласно расчетам, бифуркационная фаза в развитии земной цивилизации будет достигнута в ближайшие десятилетия, *следующему поколению людей предстоит определить, окажется ли цивилизация нашей планеты в числе тех, которые будут продолжать космическую эволюцию, или тех, которым суждено остаться расходным материалом универсальной истории.*

Задача выживания земной цивилизации упирается в успешность культурно-психологической адаптации человечества к беспрецедентным инструментальным возможностям. Ключевой же вопрос нашей эпохи в том, успеет ли человечество перерастить детскую потребность в опеке со стороны сверхъестественных и (или) авторитарно-идеологических авторитетов и достичь совершеннолетия прежде, чем сползание к пропасти самоуничтожения станет необратимым; соответственно, научатся ли люди *неконфронтационной солидарности* («мы» без «они»). Это, в свою очередь, зависит от многих факторов, в числе которых — эффективность светского и интернационального воспитания и развитие паллиативного критического мышления. *Только разум, свободный от макрорупповой (конфессиональной, национальной, классовой и т. д.) идентификации, способен стать планетарным и, как следствие — космическим...*